

СКРИПАЧ ИЗ ГЕТТО

ЕКРИПАЧ ИЗ ГЕТТО

**СТИХИ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ,
УЗНИКОВ КОНЦЛАГЕРЕЙ И ГЕТТО**

**2002
БЕРЛИН**

Руководитель проекта
Иосиф Варди

Составитель и автор предисловия
Леонид Бердичевский

Оформление и макет
Иосифа Малкиеля

Переводы
Леонида Бердичевского,
Леонида Каца,
Генриетты Ляховицкой,
Альфреда Ходорковского,
Марка Шейнбаума,
Давида Яновского.

В оформлении обложки использован
фрагмент рисунка
художника
Бронислава Войцеха Линке (Польша)

*60-летию восстания
в Варшавском гетто
посвящается*

ПЛАЧ О ПОГИБШИХ И ЗАВЕЩАНИЕ ЖИВЫМ

*Пой вопреки всему, наперекор природе,
Ударь по струнам, пой, сердцами овладей!*

Ицхак Каценельсон

21 сентября 1939 г. гауляйтером Польши Гейдрихом была подписана инструкция о необходимости собрать всё еврейское население из местечек и малых городов в специальные гетто крупных городов, вблизи железнодорожных станций, с тем, чтобы в недалёком будущем переместить их к «конечной цели», в концлагеря, для уничтожения.

Он также потребовал произвести перепись всех евреев и назначить ответственных, которые бы контролировали поведение и вели учёт заключённых, т.н. «Юденрат» (Совет еврейских старейшин), и докладывали обо всём немецким оккупационным властям.

К 1942 г. на территории Польши действовали 6 крупных концлагерей: Хелмно, Белжец, Майданек, Собибор, Трешлинка и Освенцим, за годы войны уничтожившие почти всё еврейское население Польши.

К началу войны в Польше проживало около 3,5 млн. евреев, к концу её едва можно было насчитать 50 тыс. человек (данные из книги Ицхака Арада «Холокауст. Катастрофа европейского еврейства 1933 - 45», Иерусалим, 1990).

Рацион жителей гетто составлял - 180 г. хлеба в день, 220 г. сахара в месяц. Скуденность, голод, массовые эпидемии, уносили тысячи человеческих жизней.

В апреле 1943 г. вспыхнуло организованное восстание в Варшавском гетто, в котором проживало 500 тыс. человек. Оно продолжалось несколько месяцев и было жестоко подавлено. Уцелевшие участники были депортированы в концлагеря и уничтожены.

Поэты Варшавского гетто стали полноправными участниками движения сопротивления, их стихи становились песнями, распевались узниками, с их стихами на устах многие шли на смерть.

Переводчики этой книги давно вынашивали идею издания её, но лишь собрав достаточный материал для своей работы, смогли воплотить её в жизнь. Что сподвигло нас на это, почему мы пришли к этой книге?

Дело в том, что русскоязычному читателю почти полностью не известны представленные здесь поэты и их творчество. А они являют собой огромный пласт еврейской национальной культуры. Как это ни грустно, но язык оригинала незнаком многим, особенно новым поколениям евреев. Поэтому мы решили своим скромным трудом заполнить эту лакуну в русской словесности. Кроме того, мы считаем, что работа над книгой - наш обязательный гражданский долг перед памятью замечательных поэтов, перед их трагической судьбой.

Переводы в этой книге выполнены с языков идиш, польского и немецкого, т.е. с тех языков, на которых нам удалось разыскать тексты.

Некоторые из поэтов были широко известны и читаемы еврейским населением Польши ещё задолго до войны. Поэтому мы сочли возможным показать и эту сторону их творчества, чтобы затем проследить эволюцию их сознания в годы войны..

Это прежде всего М. Гебиртиг, К. Молодовски, М. Улиновер, Р. Корн, С. Щуцкевер и др.

Мы не включили сюда стихи двух крупнейших еврейских поэтов этого периода - Ури Цви Гринберга и Ицхака Каценель-

сона, ибо их произведения хорошо известны читателям. Первый доживал свой век в государстве Израиль, продолжая писать на иврите. Его книги неоднократно издавались и переводились на русский язык. Второй - известен как автор выдающейся поэмы, которая прекрасно переведена и дважды издавалась на русском языке.

(«Песнь об убиенном еврейском народе» - пер. Ефрема Бауха, Тель-Авив, 1992г. и «Песнь об истреблённом еврейском народе» - пер. Ефима Эткинда, Москва, 2000г.) Эта книга безусловно является литературным памятником трагедии еврейского народа в годы второй мировой войны.

В предлагаемую книгу включены более 100 стихотворений 40 авторов, над ней работали 6 переводчиков - берлинских поэтов, членов Клуба литературы и искусства при Еврейском благотворительном фонде Германии. Руководство данным проектом осуществлено руководителем Берлинского отделения фонда г-ном Иосифом Варди. Глубокая ему благодарность за это.

ooOoo

В подборе произведений для этой книги нам оказали неоценимую бескорыстную помощь как частные лица из Израиля, Варшавы, Кракова, Берлина и Киева, так и научные сотрудники архивов Исторического еврейского музея Варшавы и фондов целого ряда библиотек.

В подготовке текстов к переводам нам помогали: г-жа Иоханна Хадас, г-жа Екатерина Гескина, г-жа Анжелла Подольская, г-жа Хелена Хембух, г-н Карл Абрагам и г-н Гарри Хадас, за что мы всем им сердечно признательны. Огромное спасибо всем членам Берлинского Клуба литературы и искусства, которые были первыми слушателями наших переводов и внесли ряд ценных предложений при работе над книгой.

Л.Бердичевский

Переводы Л. Бердичевского

СЛЕПАЯ СТЕНА

ДОВИД КЕНИГСБЕРГ
(1891-1941?)

МИРИАМ УЛИНОВЕР
(1890-1944)

ЯКОВ ЗОНШАЙН
(1914 - 1962)

ЛЕЙБ НАЙДУС
(1890 - 1918)

ИОСИФ РУБИНШТЕЙН
(1904 - 1953?)

ШМУЭЛЬ ЯКОБ ИМБЕР
(1889 - 1942)

ХАИМ СЕМАТИЦКИЙ
(1908 - 1941)

РЕЙЗЛ ЦИХЛИНСКИ
(1910 - ?)

МОШЕ ЛЕЙБОВИЧ
(?)

ШЕВА ГЛАС-РОЗЕНБЛУМ
(? - ?)

ИОСИФ БАУ
(? - ?)

ХИНДЕ НЕЙМАН
(1910 - 1942)

ДОВИД КЕНИГСБЕРГ

ДВА СОНЕТА

1.

Душой во сне я слушал это пенье
под ритм солдатского литого каблука,
что доносился до меня издалека,
всё повергая в трепет и волненье.

Я затаился, напрягая зренье,
а звук плясал и вниз стремился с потолка,
мне показалось, он твердил наверняка:
«Исполни долг, довольно размышленья!»

Я силы все собрал. Вгляделся в темноту
и увидал солдат, застывших на посту
чужой страны, перед шатром военным.

Я бросился к окну, очнувшись ото сна:
ни ветра, ни дождя, плывёт себе луна.
Мир грёз моих в безделье откровенном.

2.

И немеют все колокола.
И не возникнет даже мысль о мире.

Прогонят ночь. Глас зазвучит в эфире,
который вся вселенная ждала.

И тут удар гигантского кайла
распространит свои движенья шире.
Он громом в каждой прогремит квартире
и выбьет ложь из каждого угла.

И рухнут все прогнившие стволы.
И молодые расцветут побеги.
Останутся, как в Ноевом ковчеге
те, кто достоин общего стола.

Дыханье освежающего взлёта
не остановит тяжкая работа.

МИРИАМ УЛИНОВЕР

КОЛЕЧКО

«Не снимай его с пальца, прошу, никогда,
не живи с ним в разлуке.
Если радость придёт и настигнет беда
в нашем замкнутом круге.»

Так ношу я своё небольшое кольцо
с голубым аметистом.
Пайку изредка ем, умываю лицо
с сердцем честным и чистым.

Мать моя дорогая! Мне голод, поверь,
нипочём в самом деле.
Только пальцы мои стали тоньше теперь,
здесь они похудели.

Берегу я как глаз и как честь берегу
небольшое колечко.
Никогда я с ним к скупщику не забегу,
с ним останусь навечно.

Без него ни один я не сделаю шаг
сквозь голодные зимы.
Лишь его беспощадный и лютый наш враг
вместе с жизнью отнимет.

ЗА НОЧЬ

Что за ночь с моими стряслось волосами?
Ответ не найти в разыгравшейся драме.

Был с вечера жёсткий клубок, как солома,
но к утру он стал без волны, без излома.

Вчера были волосы спутаны в пряди.
Сегодня текут успокоенной гладью.

Как золото сверкали, ясны и прекрасны,
на сердце твоём... но, как видно, напрасно.

ПЕСНЯ ТРУБОЧИСТА

Из трубы приносит ветер
горестных аккордов звук.
Ууу! Мелодию наметив
для свиданий и разлук.

Не имел он тяги к пенью.
Радостей почти не знал.
Запах гари, пепла, тленья
убеждал и угрожал.

И рука у трубочиста
тащит копать, как магнит.
Как азарт его неистов,
он в движениях сквозит.

Верит, что его работа
ослепительно бела,
услаждает для дремоты
и обильного стола.

А труба дрожит и стонет
от толчков истопника,
без особых церемоний,
вся во власти сквозняка.

Ветер шумный, ветер чуткий
сдобрен едкою жарой.
Он бушует не на шутку
Ууу! Разносит звуков рой.

ВСТРЕЧА

Ты по нашей улице весело идёшь.
Ты красив и статен. Как же ты хорош.

Нежно улыбнувшись, ты ведёшь беседу:
«Волосы твои, дорогая, седы?»

«От тебя, мой милый, ничего не скрою,
знаешь, ведь они черны мастью вороною.

Выпекала халу я, с маком пироги -
побелели волосы, видно, от муки,

стряпала я за полночь без большой охоты,
прибирала горницу и чинила что-то,

ощипала много кур и гусей - поверь мне -
волосы, наверное, подцепили перьев.

Словом, всё готовила для нашего стола
Перед сном я тщательно двор наш подмела.

И ещё придумала острое словцо,
не забыв его швырнуть жениху в лицо.

Праздник был не в радость мне, скука проняла,
Гости понаехали - нет гостям числа.

Даже не заметили все мою печаль,
нет, меня ни капельки никому не жаль,

никто не удосужился узнать, что так грустна,
несмотря на то что на дворе весна...

На душе и на сердце бьётся горький ком,
потому что не моим был ты женихом».

ПИСЬМО

Время всё разносит в щепы,
торопливо, безоглядно,
беспардонно и нелепо,
всё стирает на корню.

Я прислушиваюсь чутко,
но надежда быстро тает.
В ту же самую минутку
мне несут твоё письмо.

Сообщаешь, что местечко
ты на днях уже покинешь.
Почему так бессердечно
боль ты этим мне нанёс?

В виде своего подарка
(только Бог меня услышит).
Я шепчу: «Люблю я жарко
и иссохла по тебе».

Вот бегу я мимо сада,
мимо пашни, леса, поля,

мимо речки, мимо взгляда,
что бросают на меня.

Я хочу твоё посланье
в речке утопить скорее,
истребить воспоминанье
среди рифов и трясин.

В этом мире беспощадном
превращу его я в пепел.
Весточка твоя с досады,
без сомнения, сгорит.

После этого с дороги
я отправлюсь восвояси.
Ветер жёсткий, ветер строго
за собой меня несёт.

Вот течение уносит
по волнам письмо свободно.
И пощады не попросит
белокрылое письмо.

ЯКОВ ЗОНЦАЙН

НЕБЕСА МИЛОСЕРДНЫЕ

Имел я отца, и брата,
и мать, и красивых сестёр,
и тётку, и даже дядьку, -
словом, был полный набор.

Молодые жили без Бога,
злословили против небес.
Старики с надеждою жили -
и ждали от неба чудес.

Ах, мой милосердный Боже!
Ты для всех не жалел могил.
Меня одного за что же
Ты к жизни приговорил?..

КРАСНЫЙ ЦВЕТOK

Тысячу раз тысячам глаз
никто никогда не отдаст
тот красный цветок,
что спрятан в моей груди.

От позора и от стыда
я сохраню навсегда
мой красный цветок,
что спрятан в моей груди.

Готовлю себя к расплате
за улыбку свою некстати.
Ах! Красный цветок!
Ты спрятан в моей груди.

Меня не опустят ниц
ни тысячи глаз, ни лиц,
раз красный цветок
спрятан в моей груди.

ЦВЕТ ТВОИХ ВОЛОС

Цвет твоих искрящихся волос
принял я за аллегию.
Вихри пламени, кристаллы слёз -
это жало крематория.

Отражается в моих глазах
удивительнейшим агатом.
Твоего лица прощальный знак -
догорающим закатом.

КОГДА?

*Кто напишет большую книгу
о борьбе и гибели польских евреев?*

И появится Человек,
и на белом пергаменте
буквами прописными,
напишет слова, как приговор,
ни чья-то рука, ни даже топор
не расправятся с ними.

И появится Человек,
ничем не примечательный,
с кровью в глазницах век,
с кулаками, как молоты.
Он в веках прославится.
Он появится. Непременно...

Но когда он появится?

СКВОЗЬ ЖИЗНЬ

Как крестьянин идёт через пашню,
боль согнувшись неся нараспашку,
я по жизни тупо бреду.

Сыт по горло весенним ветром,
со штормами сдружился летом.

Что сказать про зиму суровую?
Осень прочит дорогу новую
мне на радость или беду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

За твоим окном
тихо плачет ветер
и стучится в дверь,
только ты поверь,
что не тот придёт
в этот зимний вечер.
А придёт другой -
молчалив и скучен.
Мёртвые уста,
видно, неспроста,
взгляд погас, прости,
но не будет лучше.
Подними глаза,
ведь перед тобою
он не виноват -
подоспел закат.
Пусть уж он такой,
от тебя не скрою.

ЛЕЙБ НАЙДУС

БЕРЁЗОВЫЕ АЛЛЕИ

Берёзовые аллеи
с белыми пальцами ног,
будто юные феи,
но хор их здесь одинок.
Тут, на каждом стволе их,
дыхание терпкого пламени
в цветении каждой аллеи,
как на пурпурном знамени.
И как бы в лёгкой элегии,
листья мечтательно пляшут.
Полны освежающей неги и
грусть развевают нашу.
Моя нога утонула
в многообразии искр,
в звуках трескучего гула,
что был раскован и быстр.
Осенние листья! О, чудо!
Красивы, как Боги, поверьте.
Никто никогда не будет
вас избавлять от смерти.
Но вы, как всегда, спешите
в шепотный дождь и ночь.
Я не смогу, поймите,
ваш полёт превозмочь.

Вот вы слетели резко,
свой покидая трон,
в общем осеннем блеске
с осиротевших крон...
Печально стоят, немея,
с белыми пальцами ног
берёзовые аллеи
на перекрёстке дорог.

СОНЕТ

Плачет тихо
ветер свежий.
Чаще - лихо,
нежно - реже.

Я не брежу.
Здесь не прихоть.
Где же выход?
Нету бреши.

Кто-то злит.
Кто-то льстит.
В общей теме.

Кровь течёт
круглый год -
словно время.

ИОСИФ РУБИНШТЕЙН

ЗНАЕТ СЛЕПАЯ СТЕНА

Знает слепая стена: она ведь слепа.
Дверь ощущает: проём её кособок.
Ветром прочерчена резко моя тропа.
Богу известно всё.
Равнодушен цветок.

С рассветом, с надеждой является день.
Но сможет ли день своё разглядеть лицо?
Врывается ночь и всё погружает в тень.
Но видит ли ночь
тени своей кружевцо?

Я берегом шёл за путеводной звездой.
И Млечный Путь дорогу мне осветил.
Лишь звезда понимала со всей остротой
я навсегда затерян
в пути этом был.

КАМИН

Отдых находит на крыше гряда облаков,
чтобы опять понестись по небесной пустыне.
Вечер наполнился грохотом их башмаков,
и резонанс его слышен в глубоком камине.

Что-то надумал себе наш мечтатель-камин:
мыслит отправиться он с облаками в дорогу,
клубами дыма себе проложить лабиринт,
слиться в одно с облаками в счастливом итоге.

Вот из трубы появляется шёлковый дым,
плавно вращаясь в преддверии радостной встречи.
Но равнодушно плывут облака перед ним...
Тренет заката окутал весь город в тот вечер.

ОКНО

Ночью спит огромный дом
беспробудным тяжким сном.

Днём там шепоты и шорох
на парадном, в коридорах,
неуместные вопросы
и разбитой скрипки слёзы.

Но сейчас весь дом уснул,
все проблемы зачеркнул.

Спят и двери, и балконы,
лишь в одном окне зелёный
чуть мелькает огонёк,
вам, наверно, невдомёк,

что окно мечту лелеет
настежь вылететь скорее.

То погаснет, то опять -
ни за что не хочет спать.

Здесь, на пятом этаже,
завертеться б в кураже
и свою больную скрипку
вынудить дарить улыбку.

ШМУЭЛЬ ЯКОБ ИМБЕР

ПРИХОДИТ СОЛНЦЕ

По континенту бродит солнце.
Оно смеётся и краснеет.
И светлый день ко мне приносит.
Он также светел, как Там ночь.

Из Той страны приходит ветер,
моё он согревает сердце.
С собой прихватывает слово,
его я превращаю в песнь.

Мечта из Той страны приходит,
её себе хочу оставить,
она мою согреет душу -
страна моя летит к Тебе.

ВЫ ЗАБЛУДИЛИСЬ ВДАЛЕКЕ

Вы заблудились вдалеке.
Грехом вы это не считайте.
Тоскуя по родному дому,
ребёнком остаётесь вы.

Издалека приходит жалость,
но в этом нет стыда нисколько.
Она с собой мечты приносит,
чтоб было с чем домой прийти.

ХАИМ СЕМАТИЦКИЙ

В КРОНАХ ДЕРЕВЬЕВ

В кронах деревьев купается день.
Солнцу в деревьях плескаться не лень.
Я - дерево тоже,
желаю того же...
В озере туча - серый корабль дня.
Чайка к волнам приглашает меня.
Я - озеро тоже,
желаю того же...
В тумане синее небо и поле.
Зелень в росистом блестит ореоле.
Я - зелень тоже,
желаю того же...
Во сне беспокойном плачет ребёнок.
В весёлом - смех его ярок и звонок.
Я - тоже ребёнок,
делаю то же.

РЕЙЗЛ ЦИХЛИНСКИ

Я ЛЮБЛЮ ГОРЫ

Я люблю ГОРЫ -
они старше меня,
в них ночные просторы.
В них ночные просторы.

Я люблю РУЧЕЙ -
он умнее меня,
независим, ничей.
Независим, ничей.

Я люблю ДЕРЕВЬЯ -
они больше меня,
в них листьев кочевья.
В них листьев кочевья.

Я люблю КАМЕНЬ -
он тише меня,
в нём молчанье веками.
В нём молчанье веками.

Я люблю ОБЛАКА -
они крепче меня,
в них грусть и тоска.
В них грусть и тоска.

Я люблю ПЕСОК -
он светлее меня,
в нём света исток.
В нём света исток.

ТУТ ЖИЛИ НЕМЦЫ

Тут жили когда-то немцы.
Именно в этой квартире...
 Как прежде, земля кружится
 над глинистой жёлтой ямой.
Тут часто тянули немцы
вино из серебряных рюмок...
 В полях побелели кости
 с глубокими дырами глаз.
А часы торопили время,
которое долго тянулось...
 Моя прекрасная мама
 в газе нашла свою смерть.
В окно залетает ветер,
играя гардиной из шёлка...
 Когда-то здесь, в польском гетто,
 кровь из развалин текла.
Деревья в зелёных аллеях
шуршат, как шаги людские...
 Тропы бегут, как полосы,
 нарезанные из спин.
Дожди проливаются чинно,
но память точит кукушкой.
 Здесь милых еврейских детишек
 собаками рвали на части.
Ты почему же, ветер,
врагов не расплавил в сере
и дождь из камней не обрушил
на головы их пустые.

Но ветер плясал спокойно,
но ветер шептал о чём-то,
когда в уютной квартире
эти чудовища жили...

ТАНЯ

И провалившись в воздушные грёзы,
звёзды погасли на небе ночном.
Под серебристо-ковровым морозом
Таня навеки укутана сном.

День разгулялся на ветре суровом.
Ночь конопляной тесьмой обвила.
Снегом пронзила, как жалом калёным,
заревом солнечным щёки сожгла.

Здесь навсегда ночевать партизанке -
девочке с гордым разлётом бровей,
с длинной косой, грациозной осанкой -
больше в дорогу не двинуться ей...

Хочется ей разомкнуть свои губы -
рваную, горько-кровавую твердь,
чтоб протаранило веско и грубо
слово, разящее жёстче, чем смерть.

Где партизаны? Все в снежном буране.
Смерть притаилась здесь в каждой спине.
Дальше, в бессмертье, мёртвую Таню
зимние вихри несут, как во сне.

Видно, патруль заблудился в дороге.
Ночь непроглядна: вернуться ль назад?
Чудится, Таня вскочила на ноги -
смело вперёд устремлён её взгляд.

Хоть и измучено тело девичье,
мягко над миром орлицей парит.
Ужас войны - не трагедия личная -
Таня на ней - справедливый арбитр.

Ветер притихший лицо её гладит.
Снег растворился в солёной слезе.
Даже звезда уловила во взгляде
все её страсти, сомнения все.

Молча идут сквозь суровую зиму
тут партизаны, - неровен их шаг.
Таня им светит огнём негасимым ,
кровь её словно победы их стяг.

МОИ ЕВРЕЙСКИЕ ГЛАЗА

Я открыла окно
перед солнцем весенним,
перед небом и тучами, -
их отражение
отпечатком в моих поселились глазах.

Я украсила дом свой
цветочным вазоном
и ждала, наклонившись
над бледным бутоном,
чтобы он, распустившись, себя показал.

Хоронить его рано,
он всего только сонный,
он ещё оживёт
и пахнёт благовонно.
Но могилу ему начала я копать.

А земля ещё твёрдая,
мёрзлая к ночи,
хоть и скоро весна,
да и сердце не хочет
к этой смерти цветочной никак привыкать.

Я впитала глазами
еврейскими краски,
что в основе цветка
то сверкают, то гаснут.
И глаза мои тоже не хотят умирать.

И БОГ ОТВЕРНУЛ ЛИЦО

Все пути направлены к смерти.
ВСЕ ПУТИ.
Все ветры сквозят изменой.
ВСЕ ВЕТРЫ.
Злые псы на порогах брешут.
ПСЫ ЗЛЫЕ.
Все воды над нами смеются.
ВСЕ ВОДЫ.
От ужасов ночи жиреют.
ВСЕ НОЧИ.
Всё небо над нами пустынно.
ВСЁ НЕБО.
И БОГ ОТ НАС ОТВЕРНУЛ ЛИЦО.

МОШЕ ЛЕЙБОВИЧ

В ГЕТТО

Колонны серых безмолвных жертв
текут в угрюмую ночь.
Мороз жестокий, как изувер,
и ветер острый, как нож.
Звёзды погасли, и стынет кровь,
и дню вам не возразить.
Вороны, чуя большой улов,
не прекращают кружить.
Ночь зацепилась накрепко здесь -
чёрным висит потолком.
Глаза охранников словно жечь.
И подавился гром...
Дорога ваша в один конец -
назад вам отрезан путь.
И в хрупких мыслях дерзкий беглец,
свободу не сможет вернуть.
За вами и мы отправимся вслед,
в последний тяжёлый кросс.
Больше ни Бога, ни друга нет,
ни мыслей, ни градин слёз.
Поторопись, бессонная ночь,
позволь уснуть навсегда.
Надежда давно укатила прочь
туда, где почил бед.

ШЕВА ГЛАС-РОЗЕНБЛЮМ

Я НЕ ВИНОВЕН В ТРАУРНЫХ МОТИВАХ

Я не виновен в траурных мотивах.
Я никогда бы не коснулся их.
Но в голову мою, в её архивы,
вошёл бесчисленных страданий стих.

Их, сами по себе, уста бормочут,
переворачивают всё нутро.
Они, как братья мне по вечной ночи,
и горем водит здесь моё перо.

Боль - тема не моя. Мне не присуща.
Она войной в сознание вплетена.
Она увязла в горькой топкой гуще,
и ею стонет лагерей стена.

Огромным силуэтом вечной ночи
вполз в душу и расплылся серый страх.
Сжимает горло и дыхание точит,
выплескиваясь в траурных стихах.

ИОСИФ БАУ

ГОЛОД

Одежда на мне как мешок повисла.
По ней угадать ни за что невозможно
прежние формы моей фигуры,
что нынче,
как корки чёрствого хлеба.
В троянском коне моей утробы,
в иссохших моих потрохах,
марш напевая
голосом хриплым,
голод шатается пьяным бродягой.

Я смог бы сожрать всю пищу на свете.
Амбары своим языком очистить.
В весёлое пиршество
я сковал бы
завтрак, обед и ужин,
как цепью.
Пальцами рук своих,
словно вилами,
всю пищу легко,
как пух, подцепил бы я:
мясо, запеченное с печеньем,
консервы с сыром и фруктами,
рыбу в желе и снова печенье.
Ха!..Ха!..

Вот здорово! Великолепно! -
первое блюдо, второе и третье.
И вновь бы смешал продукты я эти.
От похоти шея и уши трясутся
и подбородок от смальца лоснится,
но я не стану его утирать.

В окрестностях звук раздаётся от стоны
моего плотоядного чавканья
(не помню я правил хорошего тона).
И нет для меня нужды в пожелании
приятного аппетита! И вот я повторно
рот набиваю пищей проворно
и рьяно жую и жую в упоении...
Утешьтесь, прошу вас!
Я скоро окончу эти движения.

Вновь окунаюсь в воспоминания
о лакомствах,
мною давно уничтоженных.
К небу тяну свои тощие руки
и языком,
только нищим присущим,
по-итальянски прошу и по-польски:
«Дайте дневную мне порцию хлеба!
Пусть даже в кредит,
но только немедленно!..»

Ты голодал ли когда-нибудь,
Господи?..

Концлагерь «Плешув», 1943 г.

ХИНДЕ НЕЙМАН

КРЫША

Крылатая крыша
встряхнулась от сна -
это солнечный гульден
к карнизу приник.

А крыша в мечтах
куда-то летит.
Трубку она раскурила
и мыслит:
- Крыша я или птица?
- Право, загадка.

Солнечный гульден
стал золотым цветком.
Он цветёт, разрастаясь
в большой букет.
Вот уж стены горят
и пылает весь дом.

А крыша, как прежде,
курит трубку
и размышляет:
- Крыша я или птица?
Охочусь ведь за ночными звёздами.

В ПУТИ

Стекает дождь с моих волос
и щёки влажны.
Вот на болото я, как гость,
пришла однажды.

На ветке птица задрожит,
спеша к отлёту.
Меня пинком кто наградит,
закрыв ворота.

Уж хризантемы отцвели
и листья жёлты.
А статуи ещё в пыли -
зной, как тяжёл ты.

Влетает свет в мои глаза -
окно напротив -
мне о печали рассказав,
на грустной ноте.

ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

Крошечный, белый, как снег,
вроде звёздочек ночью.
Сладок, как сахар во рту,
сахарина листочек.

Как диадема красив,
вкусен, словно конфета,
весь наш порционный хлеб,
выданный здесь нам, в гетто.

Игрушки спят под столом:
кукла из грязных тряпок,

бумажный плоский щенок,
медвежонок без лапы.

Как звоном колоколов,
молотом на граните -
крик мамы - горестный стон:
«Есть вы опять хотите?»

Переводы Д. Яновского

ФИОЛЕТОВЫЙ ИЮЛЬ

МОРДЕХАЙ ГЕБИРТИГ
(1877 - 1942)

ИЕШИЯХУ ШПИГЕЛЬ
(1906 - ?)

ЛАЗАРЬ ВОЛЬФ
(? - 1943)

ХЕНДРИКЪЕ ЛАЗОВЕРТ
(? - ?)

БЕНИШ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН
(1902 - 1942)

ИОСИФ КИРМАН
(1898 - 1943)

СИМХА ШАЕВИЧ
(1902 - 1944)

ИЦИК МАНГЕР
(1901 - ?)

МОРДЕХАЙ ГЕБИРТИГ

В ГЕТТО

Толпою рабов по колючкам стерни,
хоть двигаться нет больше мочи,
в гетто ползут наши долгие дни,
наши бессонные ночи...

Ползут часы, тяжелей чем свинец,
и в каждой минуте - страх.
Мы молим, чтоб день прошёл наконец,
о мире мы молим впотьмах.

Слух напряжён: заснуть нам невмочь,
и ужас крадётся как тать:
кому суждено в эту страшную ночь
новою жертвою стать...

Чуть скрипнет дверь: растревожена тишь, -
и холод в сердце ползёт.
Бросает нас в дрожь, если слышим, как мышь
бумагу в углу грызёт.

Всё тело немеет - шуршит во дворе
бумагою ветер шальной,
и каждый прощается в мрачной норе
с матерью, сыном, женой.

И так мы в тисках роковой западни
рабскую долю волочим,
так тянутся наши долгие дни,
наши бессонные ночи.

НАШЕ МЕСТЕЧКО ГОРИТ

Горит, братцы, горит!
Местечко наше бедное -
ой, вэй, оно горит!
Ветры дико завывают,
злое пламя раздувают,
всё вокруг горит!

Всё местечко сложа руки
смотрит и кричит.
Все стоят, сложили руки, -
дом родной горит!

Горит, братцы, горит!
Местечко наше бедное,
ой, вэй, оно горит!
Пламя воеет и клокочет,
проглотить местечко хочет,
всё оно горит!

Всё местечко сложа руки
смотрит и кричит.
Все стоят, сложили руки, -
дом родной горит!

Горит, братцы, горит!
Горит убогий наш быт!
Весь наш город вместе с ними
превращает в пепел, в пламя,

страшен тёмными ночами
стен сгоревших вид!

Всё местечко, сложа руки
смотрит и кричит.
Все стоят, сложили руки, -
дом родной горит!

Горит, братцы, горит!
Так хватит плакать навзрыд!
Вёдра вы скорей берите,
кровью собственной тушите,
от огня спасти местечко
совесть нам велит!

Вы не стойте сложа руки,
нечего кричать,
вы не стойте сложа руки,
надо дом спасать!

ВИШНЯХУ ШПИГЕЛЬ

МОЕЙ МАМЕ

1.

Моя маленькая худенькая мама,
моя маленькая мама из Могильниц...
Вот опять цветут вдоль улиц вишни,
снова реки в Польше зажурчали,
серебрится вновь в аллеях тополь,
только нет тебя, тебя лишь нету,
маленькая мама из Могильниц.

Если бы все матери на свете
знали бы тебя, моя родная,
маленькая мама из Могильниц,
плакали бы все они, конечно,
так как я, сынок твой, горько плачу,
плачу, как от режущего ветра,
ветра, раздувающего пламя, -
в нём твоё сгорело сморщенное тельце,
маленькая худенькая мама,
моя маленькая мама из Могильниц.

Нет тебя,
тебя на свете нету,
маленькая худенькая мама...
Хоть опять цветут вдоль улиц вишни,
тополя в аллеях серебрятся,
только мне вовеки не удастся

обхватить руками холм могильный
и сказать: «Лежит здесь моя мама,
маленькая мама из Могильниц».

2.

Я помню ту багряную рубашку, -
её ты мне в последний раз одела,
она сжигает сны мои ночами,
с тобой в огне моё сгорело тело.

Я помню вкус того кусочка хлеба,
что ты от своего мне отломила,
и помню я руки твоей пожатье,
когда сказали, что нас ждёт могила.

Когда над Польшей ярко светит солнце,
я голову склоняю в муке тяжкой,
и небо надо мной разорвано кроваво,
как на груди багряная рубашка.

3.

Я не увижу, святая мама,
как ты зажигаешь субботние свечи,
и никогда я, моя родная,
взгляда глаз твоих кротких не встречу.

Ива склонилась к реке и плачет,
сумрак вечерний от горести пьян,
и месяц поблекший помнит, как тихо
ты уходила в вечный туман.

Мне не услышать шагов твоих мягких, -
они мне музыкой нежной звучали.
Смотрит глазницами выбитых окон
старый наш дом в безысходной печали.

Твои я не видел последние слёзы,
не мог твои волосы поцеловать.
Кто же последним глаза твои видел,
когда ты на смерть уходила, мать?

Что же мне делать, моя родная,
нет больше слёз и плакать нет силы.
Каждый ведь хочет что-то обнять, -
могильного холмика мне бы хватило.

Ещё бы скамью деревянную в тихий,
поросший высокой травой уголок.
Наверное, есть в этом режущем ветре
пыль от твоих утомившихся ног.

ФИОЛЕТОВЫЙ ИЮЛЬ 1942

Июльский рассвет фиолетовый.
Не взойдёт уже завтра солнце
для тех, кто сжаты в машинах,
кого ждёт пламя и смерть.
Ничего глаза их не видят,
застыв от животного страха,
а небо прекрасную песню
над толпой обречённых поёт.
Машины стоят потеряно,
замерли на тормозах,
моторы, как псы разъярённые,
лают ритмично и зло.
Машины уже отъезжают,
- о дай мне закрыть глаза!
Июльский рассвет фиолетовый,
чудно, тепло и светло.

ЛАЗАРЬ ВОЛЬФ

Я - ДЕРЕВО

Я - сломанное дерево. Весной
меня унёс
стремительный поток
и выбросил
на берег отдалённый.
Где ты живёшь,
где солнечно и тихо.

Ты лунной ночью
подойдёшь к реке
и сядешь на меня,
чтоб помечтать
о будущем,
о счастье, о любви.
Но лето кончится,
я высохну, и ты
меня прикажешь
распилить на части.

И зимним вечером,
когда трещит мороз,
сгорю дотла
я в маленькой печурке;

и в мягком кресле
ты задремлешь сладко,
согретая моей любви огнём.

КАК ВЕЧЕРОМ ЗВУКИ СКРИПКИ

Моя любовь улетела,
как шарик воздушный в небо;
как дым мои дни уходят,
не знаю, я был или не был.

Остались часы пустые,
как выползок от гадюки.
Слова мои льются печально,
как вечером скрипки звуки.

Когда-то меня посещала
ирония вечерами,
подобно острящей вечно
старой английской даме.

Когда-то меня посещала
безжалостная сатира,
чтоб едко и зло посмеяться
в моей весёлой квартире.

Теперь мои дни и ночи
полны бесплодных усилий.
Я проклят моими врагами,
а друзья меня позабыли.

Как пламя во влажной яме,
я гасну в бессильной муке;
слова мои льются печально,
как вечером скрипки звуки.

МОЛИТВА

Только я глаза открою -
сразу на моих губах ты,
сердце имя дорогое
выбивает в рёбер шахте.

Только я окно открою -
вижу солнце в небе знойном.
«Не нарушь, молю я солнце,
сладкий сон её спокойный».

Никогда росы прохлада
не промочит ножек милых;
пусть взойдут цветы повсюду,
где нога её ступила.

Пусть тебя минует горе,
обойдёт беда любая,
пусть тебя прощают люди
так, как я тебя прощаю.

ХЕНДРИКЪЕ ЛАЗОВЕРТ

Я НИКОГДА НЕ ВЕРНУСЬ...

Я не вернусь к тебе, мама,
Ты останешься, мама, одна.
Последний мой крик проглотит
Проклятого гетто стена.

И только одна забота
До боли долбит мне висок:
Кто принесёт тебе, мама,
Завтра хлеба кусок?

БЕНИШ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

БАГРОВО-КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Багрово-красное солнце заглянуло в моё окно,
багрово-красное солнце вошло в квартиру поэта,
оно разогнало все тени
своим ослепительным светом.

Багрово-красное солнце заглянуло в мой тёмный сад,
багрово-красного солнца лучи на мой сад пролились,
и стали все розы красными,
и бутоны пышно раскрылись.

Детей, что в саду играли,
наградил венками багровыми,
багрово в реке отразилось
и першинами пляшет дубовыми.

ТЬМА

Шли они по дороге, шли вместе со мной,
шли они медленным шагом так же уныло, как я,
опущены бледные веки от страха и от печали,
шли они в гетто молча, ужаса не тая.

Губы тонки, как ножи, остры и крепко сжаты,
как одно огромное сердце, сердца их стучат без огня.

Кто это, живые люди или лишь мёртвые тени?
Все они боязливо столпились вокруг меня.

Молча, на них не глядя, я без труда узнал их,
мне жалко их всех, хоть многих я ненавидел всегда.
О братская солидарность всех несчастных и пленных!
Всех нас объединила одна большая беда.

Горе! О горе! От боли кровь моя закипела
и устремилась шумно в мир горячим потоком.
Как живодёр собаку, гонит меня опасность
и хлещет меня бичами: «Беги в исступленьи жёстком!»

И я бегу, со мною рядом тени
на стенах - солнце, темнота у ног.
Столбами пламени из тьмы встают фигуры,
истории еврейской каталог.

Вот Уриель Акоста, и Маймонид Рамбам,
и Майер Аншел Ротшильд из семьи банкиров,
а рядом и Познанский, из Лодзи фабрикант,
и Иосилевич тут в повстанческом мундире.

Меербер испуганно смотрит
с пьедестала на путь опасный,
и Гейне, держась за Матильду,
восстал из могилы матрасной.

Идут кузнецы и сапожники,
плотники и горняки,
со всех фронтов маршируют
еврейских солдат полки.

И Евно Азеф с ними тоже идёт
и даже аптекарь крещённый,
ростовщики, творцы и святые,
бредут они обречённо.

Тупой топор обрушила судьба,
и смерти нам, увы, не превозмочь,
звучат рыдания горькие, и тьма
преследует нас всюду день и ночь.

Я тех не гнал, кого я ненавидел,
и ненависти нет во мне сейчас,
ведь всех нас закрутил ужасный ветер,
и общий враг объединил всех нас.

Нас круто вверх ведёт дорога в пропасть,
и свист кнута нас гонит вновь и вновь.
Кто нам поможет, кто протянет руку,
которую ещё не запятнала кровь?

ИОСИФ КИРМАН

ГОЛОД

(главы из поэмы)

1.

Другие - как вы - молчат
в дни муки, в часы отчаяния,
не доходит до губ их то горе,
что растворилось у них в крови
и разлилось по всем артериям, -
и лишь я не могу молчать.
И рвутся из моей груди слова
в глухую даль, и разве голос мой
застрянет в горле, разрывая связки,
ненужный, не услышанный никем?
Нет, не могу я, не могу молчать.

2.

И в эти дни, подобно серым грудам,
поднялись мои братья отовсюду
и толпами покинули дома.
Песок и пыль с земли сдувает ветер
и вдаль несёт неведомо куда.

Вот женщины застыли у дороги,
вы видели, как лица их бледны?..
А вот одна с распущенным платком
вдруг вырвалась вперёд и побежала,
в отчаянии заламывая руки,
с безумным криком «Малхамовес! Малхамовес!»
И скрылась далеко за поворотом.
Да, в эти дни, подобно серым грудам,
поднялись мои братья отовсюду
и толпами покинули дома.

3.

Высоко в небе пролетели птицы,
теперь спустились, белые, к земле,
и ищут: может, где-нибудь есть пища
для их голодных, острых, твёрдых клювов.
Вращает ветер крылья мельниц понапрасну,
в них нет зерна и нечего молоть.
Из города в убогие деревни
приходят старики, чтобы добыть
хоть горсточку муки для пропитанья.
Уже давно собрали всё зерно
по всей земле, и сжатые поля,
подобно овцам стриженным, замёрзли
холодной осенью под ветром ледяным.
Никто уже не помнит о зерне,
которое давно с полей убрали.
Вращает ветер крылья мельниц понапрасну,
в них нет зерна и нечего молоть.

4.

Стоят уныло бедные дома,
подобно лошадям с облезлой шкурой,
отпала глина, выпирают кирпичи,

дома поникли и уходят в землю.
Наверно, мать сейчас рывком откроет дверь
и, распростерши руки, закричит на всю округу:
«Мы погибаем! Все мы погибаем!»
Когда усталый день спускается на камни,
все забывают о жестоком горе,
которое заключено во всех домах.

5.

Два фунта чёрного хлеба
разделил мой отец на семью,
разделил на восемь частей,
каждому по кусочку.
И когда наша мать потихоньку
отдала свой кусочек хлеба
малышу, что по полу ползал
на своих неокрепших ножках,
а сама легла, обессилив,
возмутились мы, старшие, сразу:
«Съешь сама, сама свою долю!»
Собрались все братья у кровати,
где лежала неподвижно наша мама.
От забот и горя пожелтело,
постарело личико у мамы,
и исчезла добрая улыбка.
Часто, не послушав нашу маму,
братья шли на дровяные склады,
чтоб собрать в мешок немного щепок,
чтобы мама вечером сварила
для семьи хоть парочку картошек.
Вечером, как мама ни старалась,
напрягая жилы, задыхаясь,
не смогла разжечь сырые щепки,
и упали, как мешки пустые,
братья мои на пол, и уснули,
тяжким сном уснули не раздевшись.

6.

Когда нужды тяжёлая рука
на наши головы обрушилась внезапно,
мы в страхе, как испуганные птицы,
покинув дом, поспешно разлетелись.
Мои сестрёнки - беленькие ручки
и косы чёрные - ушли в края чужие,
чтоб у чужих дверей проситься в наймы.
В больнице умер бедный наш отец,
и с плачем мать его похоронила.

.....

10.

Окна нашего дома - стекляшки на мёртвых
глазах,
закрыты они целый день.
Кто войдёт в пустоту этих комнат,
бросит взгляд на бесхозные кучи
никому не нужных вещей,
распахнёт почерневшие двери
и впустит весёлое солнце? -
На свете нет таких рук.
На ставнях железные прутья
от ржавчины стали толще,
берегут они мрак в нашем доме
на радость слепой пустоте.
Уже умерла наша мама,
и больше она не вернётся,
не сядет она на землю,
чтоб выплакать горькое горе,
и только лишь псы голодные
у дверей опустевшего дома
будут выть, как бездомные дети.

СИМХА ШАЕВИЧ

ВЕСНА 1942

1.

И однажды в счастливый час
на земле весна началась.
Эй, небо, радуйся, радуйся!
Ты словно новорождённое
лежишь в голубой золотой колыбели,
и нежный ветер колышет тебя.
Поют тебе ласточки сладкие песни,
ты играешь с серым яблоком - медведем,
заблудившимся в синем просторе.
Утром ты просыпаешься
с фиолетово-сонной улыбкой,
с радужным нежным сияньем,
а вечером ты засыпаешь
прекрасною детской сказкой
в пламени ярком заката.

2.

И однажды в счастливый час
опять на земле весна началась.
Ещё один корень дерево
пустит глубоко в землю,

строят старательно птицы
уютные новые гнёзда.
И лишь моим братьям по гетто
пришлось покинуть дома,
увитые сладкими снами.
Выполняя жестокий приказ,
сотнями и десятками
бредут они, спотыкаясь.
Усталые и больные,
шагают они как пьяные,
но только они опьянели
не от вина, не от водки,
их опьянило горе, отчаяние и боль.
Руки их еле движутся,
как крылья усталой птицы,
глаза их смотрят бессмысленно,
словно у новорождённых.
Как у овец, которых
на бойню гонят кнутами,
стучит в груди их не сердце,
а бесконечный страх, -
так комья земли промёрзшей
стучат холодной зимою,
когда их кидают в могилу
лопатами с высоты.

3.

И однажды в счастливый час
вновь - Богу хвала - весна началась.
Ночь протрубила в серебряный рог
юного месяца новую песню,
чтобы прославить приход весны,
которая в этом году
пришла, как гость запоздалый.
Но вот идёт измождённая мать,

на спине, как горб у верблюда,
огромный узел с пожитками,
за нею, мал мала меньше,
пятеро деток оборванных.
На ногах у них рваная обувь,
подвязанная бечёвками,
тяжёлый мешочек с хлебом,
словно сума у нищего,
у каждого на плече.
Они уже так устали,
что не могут дальше идти,
и мать их, словно наседка,
над ними раскинула руки.
Старший шагает сам,
второго она ругает,
третьего в спину толкает,
четвёртого умоляет,
а пятого взяла она на руки.
Но вдруг сама она остановилась,
дыханье у неё перехватило,
стоит она, подобно мёртвой рыбе,
открывши рот
и выпучив глаза,
груз на спине, ребёнок впереди
её раскачивают, словно на качелях,
то вверх, то вниз,
туда, потом обратно,
то вверх, то вниз,
туда, потом обратно.

4.

И однажды в счастливый час
возрождения чудо свершилось
и снова весна началась.
И только в гетто у нас

никого не волнует голод,
охвативший все члены тела,
все забыли давно о смерти,
что стучит повсюду хозяйкой,
ни одной не минуя двери.
И словно несчастные овцы,
дрожат они и трепещут
пред изгнанием в далёкий неведомый край,
дрожат они и трепещут
пред невидимой огненной надписью:
«На жизнь или на смерть».
И стоит здесь увидеть старику
с покойником телегу, и тотчас
глаза его от зависти блещут:
«Да, этому, конечно, повезло!»
А юноша, поникнув головой:
«Нет, всё равно - пошло к чертям всё это!»
И трижды сплунет юная невеста:
«Тьфу-тьфу-тьфу! Пусть чёрный ангел смерти
мне поскорее станет женихом!»
И даже до смерти измученный ребёнок
с лицом заплаканным, скривившимся лепечет:
«Ой, мамочка. Я больше не могу!»
Ой, положи меня в тот чёрный ящик!»

.....

6.

И однажды в счастливый час
опять на земле весна началась.
Поведут жеребца к кобыле,
поведут к корове быка,
всюду снег потемнеет, растает,
станет снова зелёной трава.
Но тот, кто будет пахать,
найдёт на земле тела

тех, кто ужасную смерть
нашёл в середине пути.
Оцепенев, он увидит
от боли скривившийся рот
и ужас в глазах открытых:
«Ой, доченька, где ты меня положила?»
И посмотрит пахарь и увидит,
что следы уходят, извиваясь,
и зигзагом возвращаются обратно,
мечутся в бредовой лихорадке:
«Папочка, дай мне кусочек хлеба,
папочка, дай сахара кусочек!»
И увидел пахарь потрясённый,
как рука измазанная глиной,
судорожно сжала корку хлеба -
он глядит, разинув рот, не зная:
это примета хорошая -
хлеб это, хоть и чёрствый,
или плохая примета -
человек этот всё-таки мёртвый?

7.

И однажды в счастливый час,
ха-ха-ха, опять весна началась.
Деревья и трава в росе, как в жемчугах,
и снова солнце щедро дарит миру
своё тепло и золото лучей.
И всё же: почему и ветки, и кусты
трещат, ломаются, когда на них наступят,
а ты, моё измученное сердце,
не разрываешься от этой страшной муки,
когда, как стаю бешеных собак,
враги весь твой народ несчастный гонят?
Ты, сердце глупое, считаешь, что тебя
минует эта страшная дорога.

О, почему я не сошёл с ума
и не танцую посреди дороги,
в пыли не кувыркаюсь вверх ногами,
не поднимаю к небу кулаки,
не бьюсь я глупой головой об стену,
свои до крови не кусаю пальцы,
не распеваю радостные песни?
И только льются, льются, льются слёзы,
потоки слёз из глаз моих текут.
Так почему ж моё больное сердце
не разрывается от этой страшной муки?

ИЦИК МАНГЕР

БАЛЛАДА О ВОЙНЕ

Нам горе и муки враги принесли.
В могилах кровавых отцы полегли,

а матери несчастные под открытым небом
отдаются смерти за горбушку хлеба.

Дети боязливо у окошек ждут -
солдаты беспощадные на войну идут:

«Победа! Победа!» - клич этих зверей
уносит всё золото наших полей.

В зареве заката стаи облаков
похожи на обрывки окровавленных бинтов.

Дети боязливо у окошек ждут -
солдаты беспощадные на войну идут.

«Победа! Победа» - клич этих зверей
уносит всю радость из душ у людей.

Последних дорог усталость, муки последних часов
и похоронное пенье - крики ворон и сов.

Дети смотрят из окон, позеленели лица:
словно волчок, взбесившись, наша земля кружится.

На каждой дороге крест, и на каждом кресте -
распятый.

Разрушены все дома этой войны проклятой.

Сыпь тифозная сумерек, муки последних часов
и похоронное пенье - крики ворон и сов.

Дрожат от страха дети и плачут у дверей,
они кричат и просят вернуться матерей,

но матери несчастные под открытым небом
отдаются смерти за горбушку хлеба.

ПЕСНЯ МОЕЙ НЕНАВИСТИ

Мне суждено воспеть пожар
еврейских общин, павших жертвой злобы,
и руки погружать в траву
вокруг еврейских каменных надгробий.

Когда б мне повезло, я деревом бы стал,
у колыбели их детей я б ивой стал плакучей,
чтоб тень моя на их упала сны
и отравила кровь моею песней жгучей:

Отец ваш - топор, а мать - острый нож,
и течёт моя кровь от ударов их лютых,
но за это - не вырасти вам никогда,
сочтены мною ваши минуты.

Отец ваш - топор, а мать - острый нож,
из-за них мои слёзы, позор и страдания,
но за это - не вырасти вам никогда,
я услышу последнее ваше дыханье».

О Боже, растерзай меня на части!
Мне хочется тела и души палачей,
всех этих Каинов голубоглазых резать
до их последних проклятых ночей.

Кружат вороны над землёй кровавой,
над крышами домов до дальних рубежей,
и ненависть моя танцует, и собаки
поспешно слизывают вражью кровь с ножей.

Переводы Г. Ляховицкой

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

КАДЬЯ МОЛОДОВСКИ
(1894 - ?)

МОЙШЕ КУЛЬБАК
(1896 - 1943)

КАДЬЯ МОЛОДОВСКИ

ПРИ СОЛНЕЧНОМ ЗАТМЕНИИ

И я пришла. Да, я пришла,
осуществив стремление,
я прибыла как раз теперь
в печальный край затмения.

Босая, торопилась я
застать хоть луч свечения,
и я пришла как раз теперь,
в печальный день затмения.

В полёте задохнувшись, пали
все птицы, крылья распахнув,
и ветви среди лета стали,
как тень изображения.
Так это есть как раз теперь,
в печальный час затмения.

Но солнце вечно всё равно.
И ранам ног даст небо исцеление.
Клянусь я, что моим глазам
явилось, как в прозрении,
то пламя здесь, как раз теперь,
при солнечном затмении.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Это ночь.
И лежу я, больная,
бьются в тёмном кругу мои мысли, пылая.

Ночь, и волк, и овца -
что за бред в голове?
Это кровь на траве -
ну и что? Что за бред в голове?

Так стара эта песня -
тысчелетняя пьеса,
что приелась давно пастуху,
да и лесу.
Уж не этой ли старою песней больна я?
Это ночь.
И в кругу бьются мысли, пылая.

И ВСЁ ЖЕ...

Моя кожа такая тонкая,
что единственная пуля,
стальная пчела,
может меня убить,
может тебя убить,
может его убить -
мои дорогие.

Моё сердце такое маленькое,
что не может вместить
все мои плачи.
И если переполнит его слезинка одна,
задушит меня она,
задушит тебя она,

задушит его она -
мои дорогие.

И моя жизнь такая тяжёлая,
что все корабли в море
и дороги на этой земле
не смогли бы меня привести,
куда я стремлюсь.

И всё же -
среди капканов смерти
и скопища страданий,
причиняемых жизнью,
я - стрела в тетиве,
а воля моя - та рука,
что целит, куда я иду
и куда я приду -
мои дорогие.

КОГДА НИКТО НЕ ЗОВЁТ МЕНЯ

Моя мать не зовёт меня по имени -
моя мать мертва.

Мой отец не зовёт меня по имени -
мой отец далеко.

И Бог не зовёт меня по имени -
так как Бог создал Пурим-игру
и играет в ней пса,
и воет так громко в ночи,
что я палкой его прогоняю,
чтоб в покое оставил меня.

Успокойся, моё сердце,
успокойся немного, когда Бог исчез,
успокойся немного, когда моё тело
распято в терпении.

Успокойся немного,
пока не позовёт колокол,
пока не позовёт горе,
что висит, как мешок на моей спине.
Успокойся немного -
немного без Бога.

ВОЗЬМИ ЭТО С СОБОЙ, МОЁ СЕРДЦЕ

Шелестящее дерево, сердце моё,
и прозрачность ручья,
и последний отказ, что ужалил меня,
и хрустальную дружбу, что разбилась звеня,

возьми это с собой, моё сердце,
в недолгий путь.
И пылающий свет уходящего дня
и дыхание ветра возьми, не забудь.

Возьми это с собой, моё сердце.

МОЙШЕ КУЛЬБАК

ЛЕТО

Вновь мир для юной жизни развернулся:
набухли почки, полнится земля, и шёпот зелени
проснулся -
и всё вибрирует, как тело девушки от
потрясения,
что в женщину ей дарит превращенье.

Лежал я, словно кот средь поля.
Искрилось всё вокруг, в блистаньи споря.
Один мой глаз был солнцем ослеплён,
другой прикрыт, но блики видел он.
Беззвучно я от радости смеялся.
Казалось, я бы ввысь взметнуться мог,
как обнажённый к действию клинок.

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

На голой земле сидит всю долгую ночь бедняк,
порой на его лице улыбка мелькнёт, как свет.
Поёт он о том, что жить он дольше не может так,
беспомощен, никому не нужен он больше, нет.

Не распрямиться ему под грузом ушедших лет,
жалобно он свою тоскливую песнь поёт.
Рогатый, колючий месяц над крышами льёт свой свет
и как раскалённый червь по небу сквозь ночь ползёт.

О, этот голос бедных! Слышишь, как он звучит -
по миру, всегда жестокому, в тёмных его углах.
Голос лежащих в рубищах на голой земле в ночи -
в нём только скорбь и ужас, только печаль и страх.

Поёт он о малой радости, добытой из вечных мук -
о капле воды прохладной в обугленной жизни его.
Бедняк состоит из горя и к небу воздетых рук.
Он может растрогать месяц, но более - никого...

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Так что же: Умереть? Когда мы умираем,
то это лишь игра. С обломками играем.
Всё это - обольщение:
мол, радость - за мученье
на этом свете -
Брать
и Давать, как дети
в опьянении.

НА ФАБРИКЕ.

Едва светает. Пробужденье,
лишь сумрачные звуки раздаются,
но кожанок промасленных движенье:
и змеи чёрные во мраке вьются,
и вот уже машины зашумели
так мощно, так уверенно и скоро,
да искры огненными пчёлами запели,
руда и пламя загудели скорбно.

И шестерён...и шестерён круженье...
и дым, и непрерывное искренье...

устали и подавлены сердца.
И молоты стучат, и бронзовеют лица
от жара, и работе нет конца...
Склонясь в поту над омутом огнистым,
принуждены, усталые, стремиться
железо приручить и укротить.
Утешит пламя лишь гореньем чистым:
должно, должно вас солнце осветить!

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

1.

Волчьи песни свои мне б хотелось провить
в четырёх моих стенах, в этих стенах моих.
Моё чуткое ухо - оно велико -
всё, что сердце бормочет, услышит легко...

Боже, к вою пригодна только волчая пасть -
не для рта человеческого эта напасть.

Вот зелёным свеченьем окрасился взгляд,
голод с остервененьем рвёт мясо с костей.
Крепок круглый затылок, я поджар и костляв -
хей!

Чтобы мне свои муки избыть,
разреши мне по-волчьи завывать,
Боже!

2.

Голубыми огнями блещет снег на полях.
Горе мне, горе!
Словно волк-одиночка свою глотку напряг -
с этим миром я в ссоре.

«Мне на волчью стаю наплевать и забыть.
Волк я, волк-одиночка. Вас бы мне отравить!
Вы травили меня и ночами, и днями,
надо мною глумясь, побивали камнями.
Волк не волк, если шкура не прилипла к костям».

Снег лежит на полях, под луною блестя.
Горе, о горе!
С целым миром волк в ссоре.

3.

Луна, дрожа, ощупывает все поля,
сугробами покрытые равнины,
леса, где проморожена земля...

Снежные вихри ветер свивает, взметает.
Взглядом горящим снежную бурю пронзает
из прорезей глаз зелёных волк отощавший, голодный,
сбежавший из плена сетей -
последнюю кровь сосёт он из собственных старых
костей.

Каждая кость в нём ноет.
Он воет, и воет, и воет,
взывая к холодному небу.

— *Перевод Л.Каца.*

ВСЁ БЫЛО...

МЕИР ГАЛЬПЕРИН
(1905 - ?)

МОШЕ ШКЛЯР
(1920 - ?)

МЕИР ГАЛЬПЕРИН

КАК ЗНАТЬ?..

Как знать, откуда ветер налетел?
Подобен он сверхраскалённой лаве.
Непредсказуем он в своей управе.
Чего желает? Где его предел?..
Ерошит на морях седые волны
и тьму крушит разрывом нервных молний!

Как знать, откуда ветер налетел?
Наверно так, украдкой, тенью вроде.
Свой хоровод над стенами он водит.
Кровать - вот главный у него прицел.
Он, верно, норовит в безумном танце
оставить след на потускневшем глянце.

Как знать, откуда ветер налетел?
Я помню то, что ветер безвозмездно
швырнул валун с высокой кручи в бездну,
а это только штрих из ветра дел.
Рождает эхо гулкою порою
и мысль одну, что может стать другою.

Как знать, откуда ветер налетел?
Слова рождают смысла направление.

Они меняют прежнее решение
и всё, над чем подумать не успел.
И откровенные плоды цивилизации
плодят в душе свои ассоциации.

Как знать, откуда ветер налетел?
Его круженья яростные вихри
рассудок сокрушают, бьют под дых ли -
туда, куда он только повелел.
Тоске и горю сможет ли помочь он,
сменяя ясный день крошечной ночью?

И не узнать,
откуда ветер налетел...

ВСЁ БЫЛО...

Было всё. Да только всё прошло.
В пропасть соскользнул с горы утёс?
Было всё. Да только всё прошло.
Ветра стон звучал в руинах дома.
Было всё. Да только всё прошло.
Взмах орлиных крыльев мне знакомый.
Было всё. Да только всё прошло.
Громыханье колокольных громов.
Было всё. Да только всё прошло.
Эхо ветра звук шагов унёс...

НЕСЛЫШНОЙ ПОСТУПЬЮ

Всегда сопровождает некто нас.
Неслышной поступью.
Ни звука не издаст.

В дыхании убедись его, и в том,
что он как тень,
твой посещая дом.

В невероятные поверишь сны,
что в неудачах
нет твоей вины.

В воображении иное видит глаз.
То, что в реальности
мертво подчас.

Неслышной поступью. Ни звука не издаст
тот, кто сопровождает
вечно нас.

МОШЕ ШКЛЯР

ЭТОТ АД

Этот ад не забыт.
Это помнит природа.
Каждый камень кричит
нам о муках народа.
А людские слова
тихо канули в Лету.
Появившись едва,
похоронены в гетто.

Не забуду я газ
в те, прошедшие годы.
Вспоминаю сейчас
крик и ужас народа.
Похороненных где-то
матерей и отцов,
малышей и юнцов -
уничтоженных в гетто.

Но кричит всё вокруг.
Страшен горестный звук!
Крик смертельный - не мой.
Я молчу: я немой...

Криков, полных тоски,
не могу больше слушать.
Рвут они на куски
моё сердце и душу.

КОМУ МОЛИТЬСЯ?..

Кому молиться,
Богу?
Но нет такого Бога...
Стыжусь и плачу много -
я, узник из острога.

Хоть нет такого Бога -
в моих глазах тревога
от ветра - слёз немного.
Где мне найти дорогу?

Скажите,
куда теперь идти -
по ложному пути?
И в камень сердце
смотри, не преврати!..

Переводы М. Шейнбаума.

Я - ЭТО КАЖДЫЙ

ЗЮСМАН СЕГАЛОВИЧ
(1884 - 1954)

ИСРОЭЛЬ ЭМИОТ
(1909 - ?)

КАЛМАН ЛИС
(1903 - 1942)

МИША ТРОЯНОВ
(1906 - 1942)

ЯНИНА (ЯНКА) ХЕШЕЛЕС
(? - ?)

ДОВИД СФАРД
(1907 - ?)

РОМАН БРАНДШТТЕТЕР
(? - ?)

ЭРНА РОЗЕНШТЕЙН.
(? - ?)

ЗЮСМАН СЕГАЛОВИЧ

ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО

Охвачен дом сплошным огнём.
И гарь, и дым повсюду в нём.
Где выход? - Окна, дверь в огне,
и пламя мечется во мне.
Нас шквал пожара окружил,
наружу выбраться нет сил.

ГОРЕТЬ МЫ БУДЕМ

На жертвенном огне сгорим.
И сила дымом вверх взовьётся.
Порывов наших страсть уймётся.
На жертвенном огне сгорим.

Но воля к жизни остаётся.
И искры чувства не унять.
Ничто не возвратится вспять.
Но воля к жизни остаётся.

Исчезнет в небе едкий дым,
что плавает над мирным морем.
В душе останется он горем,
хоть и исчезнет едкий дым.

ТАЙНА ИЕРОГЛИФОВ

В иероглифах твоих волос
на белизне моей подушки
сокрыт таинственный вопрос:
здесь может айсберга верхушка?

Полузакрытые глаза.
До боли стиснутые зубы.
Кто эту тайну предсказал?
О чём умалчивали губы?

Что привело тебя сюда?
Кто вырвет из моих объятий?
Непостижимы иногда
уже привычные понятия.

Ты предо мной обнажена,
но тайна всё-таки осталась.
Проснись,
страхни остатки сна -
нам счастье нелегко досталось.

ИСРОЭЛЬ ЭМИОТ

СТАРЫЙ ЛЮБЛИН

(отрывок из поэмы)

Камень обкатан узких улочек этих.
Окна с решётками робко на мир глядят.
Думаю, времени бег здесь не заметен.
Капоты хасидов также длиною до пят.

Богатству сюда заглянуть не случилось.
Из щелей нищета безобразно торчит.
И счастье так никому не досталось.
Беда, притаившись, пугливо молчит.

Воркуют здесь голуби просто иначе.
Голоса на базаре визгливо звучат.
Песни, - их не поют, их - жалобно плачут,
оттого и желанней они во сто крат.

От улочек этих мне не укрыться.
Из Люблина Старого сбежать навсегда?..
Но что-то толкает меня возвратиться.
Ведь он не отпустит меня никуда.

КАЛМАН ЛИС

РУЧОНКИ

Давно я не жду от жизни добра.
Приемлю судьбы решение любое.
Тянутся детские ручки с утра
в напрасной надежде на что-то съестное.

Ладошки нежные холодом скрючены.
Нокот распухшие синие пальцы.
Глазки печальны, лица измучены.
Мало в них детского, в этих страдальцах.

Пищу найти бы для деток любую.
Всем по кусочку, по маленьким крохам.
Задачу поэта вижу земную -
бороться за них до последнего вздоха.

Давно не жду я от жизни добра.
Приемлю судьбы решение любое.
Тянутся детские ручки с утра
в напрасной надежде на что-то съестное.

МИША ТРОЯНОВ

АКТУАЛИЯ

Дверь на замок и плотнее окно!
Злые собаки воют давно.
Рвутся с цепи и со злобою скачут.
Дети проснулись в испуге и плачут.
Жизнь беспросветна. Печальна она.
Горечь её пропитала до дна.
С болью и гневом сжимаются руки.
Камень в окно кто-то кинул со скуки.
Зачем только звёзды им путь освещают?
Убить и ограбить никто не мешает.
Дверь на замок - и не стой у окна!
Воем и злобой ночь напоена.
Окно занавесь....
Огарок зажги...
Тревожные ночи...
Ужасные дни.

ГОЛУБОЕ НЕБО

Весна колобродит. Тучи на небе белые.
Чирикают птицы, словно бы оголтелые.
Нежный солнечный лучик из зимнего плена
разогрел застывшую землю мгновенно.

Тонкий этот лучик, острый, как гвоздик,
к продрогшей планете перебросил мостик.

Люди толпами бродят. Небо голубеет.

На душе тревожно. Боль на сердце зреет.
О весне и тучах завожу я речи,
думая, что это от тоски излечит.

Мы уже отвыкли, нету больше мочи
отличить сегодня белый день от ночи.

ЯНИНА (ЯНКА) ХЕШЕЛЕС

БЕЛЖЕЦ

(один из нацистских концлагерей).

День нынче намертво ужасом схвачен.
Стены вагонов дрожали от плача.
Поезд телами загружен до крыши
теми, кто мёртв и кто ещё дышит.

Стон заглушает колёс перестук.
На смерть нас везут - избавленье от мук.

В Белжец!
В Белжец!
А оттуда пути
нам уже никогда не найти.
Во тьму,
кромешную вечную тьму.
За какие грехи -
никак не пойму...
Если жизнь ещё тебе дорога,
прыгай смелей, хоть снаружи пурга.
Охранников лишь опасайся в пути -
подальше от Белжеца нужно уйти.

ДОВИД СФАРД

СЛОВО

Породниться бы с мечтою.
Сохранить её в душе.
Не с заоблачной - живою,
той, что вызрела уже.

Всё земное пеплом стало.
То, что милым было мне.
Слово доброе осталось,
не сгорев в войны огне.

Проникает в душу слово,
светит солнечным лучом.
Разбудив надежд основу,
вытесняя зло - добром.

РОМАН БРАНДШТТЕТЕР

ИОСЕЛЬ РАКОВЕР ИЩЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ У БОГА

И обратился Иосель к Господу, говоря:
Ты, кто сотворил меня одним из сыновей Израилевых,
сыном народа самой горькой земной судьбы, -
я верю в Тебя,
Боже Авраама, Исаака и Иакова,
хотя Ты и сделал всё,
чтобы я разуверился в Тебе.
Но я и поныне не усомнился в законе Твоём,
хотя деяния Твои далеки от всякой справедливости.

Скажи, о Господи,
что ещё Ты против нас замыслил,
прежде чем Ты обратишь вновь к нам лик свой?

Не следует ли знать нам,
лишённым чести и достоинства,
оплёванным,
истязаемым,
уничтожаемым,
живьём погребённым,
долго ли ещё пребудут дни гнева Твоего?

Господи! Господи!
Ты Бог наш или...
Ты Бог убийц наших?

Боже, горечь в душе моей
не позволяет мне прославлять то зло,
которое Ты причинил избранному Тобой народу.
И всё же я прославляю Твоё грозное Величие,
достойное удивления, полное силы и исключаящее
ошибки.
Страдания, которые Ты причинил нам, не умалили его
и не пошатнули .

Господи, я пришёл в этот мир
с верой в Тебя,
чтобы соблюдать Твои заповеди
и прославлять имя Твоё.
Почему ты сделал всё,
чтобы я разуверился в Тебе?
И всё же Ты не заставишь меня свернуть с моего
пути,
мой Боже,
Боже моих отцов.
И пусть это никогда не повторится.
Ты отнял у меня жену,
и детей моих,
и дом мой,
и всё моё добро.
Ты превратил меня в жалкий комок плоти
и бросил его бешеным псам на съедение.
Ты заклеил меня печатью уничтожения.
Но я не перестану верить в Тебя
и сохраню любовь к Тебе,
даже вопреки Тебе.

Боже,
Ты, который сделал всё,
чтобы я в Тебе разуверился!
ШИМА, ИСРАЭЛЬ,
АДОНАЙ ЭЛОГЕЙНУ,
АДОНАЙ ЭХАД.

ЭРНА РОЗЕНШТЕЙН

Я - ЭТО КАЖДЫЙ

Тысячекратно повторился крик
тех, кто во рвах свою сыскали долю,
к земле озябшей грудью кто приник,
покорно повинуюсь вражьей воле.

Крик тех, кто перешёл за грань времён
и за предел всемирного пространства,
ушёл туда и теми был сражён,
кто в ненависти ищет постоянство.

А та, укус нанёсшая змея,
никак в клубок свернуться вновь не может.
И до сих пор свой страшный яд храня,
горда, что злоба праведное гложет.

Шаги. Шаги идущих в никуда
звучат во мне неизгладимым эхом.
И в кровь мою проникли без труда
с безжалостным, жестоким подлым веком.

Переводы А. Ходорковского

ЕСЛИ Я ЗЕМЛЮ ОСТАВЛЮ

РАХЕЛЬ КОРН
(1898 - ?)

БЕР ГОРОВИЦ
(1895 - 1943)

ДОВИД СФАРД
(1907 - ?)

ПЕСАХ БИНЕЦКИ
(1912 - 1965)

АВРОМ ЗАК
(1891 - ?)

ЯКОВ ЗОНШАЙН
(1914 - 1962)

МОШЕ ШКЛЯР
(1920 - ?)

ЭЛИАХУ РАЙЗМАН
(1909 - ?)

АВРОМ ШУЦКЕВЕР
(1913 - ?)

РАХЕЛЬ КОРН

КАКОЕ СЛОВО

Слово какое меня к вам приблизит,
слёзы какие дорогу укажут?
Нитями лунными каждую ночью
тянет меня к обители мёртвых.

Сколько рассветов прожить суждено мне,
чтобы я сам ваши муки изведаль,
чтобы я стал на последней границе,
как серый камень стоит на могиле.

У ВОРОТ ГАЗОВОЙ КАМЕРЫ

То была тел людских обнажённость,
сразу ставшая мертвенно-бледной.
Что стыдливостью значилась прежде,
счастьем, тайной иль родинкой-меткой,
о которой известно лишь маме,
что любимым одним доверялось, -
солнце светом своим беспощадным
обнажало, как крышкою гроба,

открывало насмешкам и взгляду,
что готовил людей строй за строем
на последний рубеж испытаний.
И детишки, что вмиг повзрослели,
понимали: не будет спасенья,
и они матерей умоляли
крик отчаянья спрятать глубоко,
в сердце страх схоронить, чтоб мучитель,
тот, кто жаждал увидеть их муки,
их страданиями в эти минуты
ни за что бы не смог наслаждаться.

МОЁ ТЕЛО

Я ещё, как дерево лесное,
в высоту стремлюсь всем существом своим,
мои страсти снова расцветают
с каждой вновь рождённою любовью.

Только тень моя,
как серая пелена,
вытканная из тонкой печали,
снимает с меня уже мерку
для ждущей земли,
для влажной травы.

Мёрзнет летний день,
обрамлённый чёрной тенью,
и сереет трава
у ног моих,
как будто тронуло её
холодное дыхание осени...

Моя тень,
как серая пелена,

вытканная из тонкой печали,
снимает уже с меня мерку
и роднит меня
с ожидающей землёй,
с влажной травой, и в крови моей
я слышу плач вселенной
и нерождённую песню.

БЕР ГОРОВИЦ

В САДУ ЦАРЯ СОЛОМОНА

В саду царя Соломона
деревья давно уже спят.
Никто их покой не тревожит,
не слышно там птичьих рулад.

Усталость рабов усыпила,
уснули, как рыбы в ночи,
да стражники камнем застыли,
затиснув в ладонях мечи.

Стоят шестьдесят великанов
на страже при царском шатре.
Их мощные тени бросает
луна на стену в серебре.

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

Снилось мне нынешней ночью:
прошлое будто вернулось -
любовь моей юности давней
рук моих нежно коснулась.

Сжалось в груди моё сердце
в сладкой и тихой печали.

До этого целую вечность
в жизни мы с ней не встречались.

Двум разделённым потокам,
знать, не поспорить с судьбою...
Был освещённым союзом
связан давно я с другою.

Можно ли с сердца больного
снять золотые оковы?
Два разделённых потока
могут ли встретиться снова?

КАК БОЛЬНАЯ ПТИЦА

Израненной птицей
из сучьев корявых
я вырвался, мама,
из мира чужого
и вновь возвратился
к родному порогу.
От радости ты
засмеялась сквозь слёзы,
а ночью вздыхала,
о мне беспокоясь.
На цыпочках утром
ко мне подошла ты,
с надеждой глядела
и гладила пряди
волос непокорных.
И ты улыбалась,
желая внушить мне,
что счастлива очень,
чтоб стал я спокоен,
чтоб стал я утешен,
чтоб стало легко мне.

ДОВИД СФАРД

ЕСЛИ Я ЗЕМЛЮ ОСТАВЛЮ

Если я землю оставлю, так кто же
ненависть нашу к убийцам проявит?
Кто о тернистых путях и страданиях
вам по-еврейски без страха расскажет?

Кто же измерит всю цепь унижений,
горе отца, материнские муки?
Кто же, скажите, минутами счастья
неизмеримость потери оплатит?

Если уйду я навеки, так кто же
вспомнит о наших безвестных героях,
кто их могилы землёю укроет
и сохранит их в грядущие годы?

Если же с песней еврейскою кто-то
цепь золотую ковать не устанет,
чтобы она бесконечно тянулась, -
как я тогда эту землю оставлю?

СЛОВО

Я хочу породниться с мечтой,
чтоб её воплотить навеки

в моих песен звенящий строй,
в моих лет убегающих вехи.

Нет богатства и денег нет,
только словом одним владею.
Я его до последних лет
на дорогах крутых лелеял.

Я моё сердце его приму,
напою моей кровью слово.
И для вас сквозь ночную тьму
оно путь осветить готово.

ПЕСАХ БИНЕЦКИ

ВОЗМОЖНО...

Возможно, ты зов тот услышал
и в слабые руки свои
взял нож или даже винтовку
и стал начеку у стены.

Ты вместе с другими готов был
к последнему в жизни прыжку,
в груди затаив сожаленье -
так рано навеки уйти.

Возможно, на том самом месте,
в последнем жестоком бою,
в лучах восходящего солнца
пришла к тебе вечная ночь.

Возможно, придёт это время -
настанет возмездия час
и ярко пылающей розой
взойдёт твоя кровь у стены...

АВРОМ ЗАК

ТЕПЕРЬ Я ЭТО ЗНАЮ

Теперь я уже без сомнения знаю,
что нет у меня ничего:
ни знака, ни следа, ни камня на камне -
всё пусто вокруг и мертво.
Убийца коричневый был беспощаден:
безжалостен был и жесток.
Мой дом - мой причал уничтожен врагами,
и я навсегда одинок.

Ищу и не знаю, найду ли могилу,
забытый клочочек земли,
а может в Треблинке, на адском огне их
на страшную смерть обрекли:
и мать, и сестру, и жену, и ребёнка,
пытаясь следы замести,
а ветер их пепел по миру развеял -
и мне их следов не найти?

Теперь я уже без сомнения знаю,
что нет у меня никого,
и всё дорогое, о чём мне мечталось,
рассыпалось в пыль и мертво.
И старый наш мир бесконечной,
холодной пустынею стал для меня.
Куда мне податься? Средь жалких развалин
не вижу я светлого дня.

ЯКОВ ЗОНШАЙН

КОГДА

И придёт человек,
и на белом пергаменте краской
он напишет слова:
их рука не сотрёт,
не возьмёт их топор.

И придёт человек -
он, как ты или я,
не из сказки,
но кулак - молоток,
взгляд - как выстрел в упор.

И придёт человек...
Кто мне скажет - когда?

МИЛОСЕРДНОЕ НЕБО

Были у меня когда-то
и мать,
и отец,
и брат,
и три сестры,
а дядьёв и тёток -
без числа.

Юноши
восстали против Бога,
поносили Небо,
а старики
в кровавой беде
доверились Ему.

О, милосердное Небо!
Ты их всех похоронило,
на Земле не осталось
от них и следа.
Только меня,
как в наказание,
присудило к жизни.

МОШЕ ШКЛЯР

ЕВРЕЙСКИЕ СЛОВА

Они в одних печах горели
с родными нашими в огне...
Они скорбят со мной доселе,
они мне дороги вдвойне.

Я с ними все пути земные
пройду с течением годов.
Слова еврейские простые
я в песню превратить готов.

МОЁ СЛОВО

Как могу я раскрыть мою тайну -
рассказать, что там скрыто во мне,
если слово моё - это камень,
что лежит на морской глубине

в ожидании грядущего часа,
неподвижно, в объятиях сна,
пока волны нелёгких раздумий
не сорвут это слово со дна.

А затем - и шлифовка до блеска,
сняв остатки налипшей руды.

Это слово, как скрытая рана,
задышалось в тисках немоты.

КОМУ МОЛИТЬСЯ

Кому молиться,
у меня ведь нет Бога -
кому плакаться,
когда, испытывая позор
и издевательства,
я стою здесь под палкой
и ухмылкой?
Я молюсь,
а ветер смеётся надо мной,
я плачу,
на меня смотрят невидящие глаза -
кому молиться,
у меня ведь нет Бога -
молясь, я обращаюсь только
к себе самому:
не пойдя по ложному пути,
не дай окаменеть твоему сердцу.

КАЖДЫЙ КАМЕНЬ

Каждый камень
на утренней заре
отныне и навсегда
говорит
о всех страданиях
моего народа
невыразимыми
словами,
которые на людских

губах
парили в воздухе
и жили,
и разрушились
в гетто.

Каждый переулок,
которым я иду,
кричит
о горе
моего народа,
это его боль,
не выплаканная
до конца,
это страшный крик
матерей и отцов,
детей в колыбели,
которые с того часа
лежат в земле гетто.

Всё говорит,
всё кричит -
только я нем,
я молчу,
прикусив губы,
молчу,
и от крика
разрывается
моё сердце.

ЭЛИАХУ РАЙЗМАН

МИР

Когда крик народа моего
разорвал на клочья небеса,
и когда, дыхание перекрыв,
задушил песок мою сестру,
и когда ушёл из жизни брат,
захлебнувшись в собственной крови,
ты спокойно доедал свой хлеб,
с наслаждением пил своё вино,
не утратив радости в глазах.

А куда забросил ты, скажи,
на скрижалях заповедей свод,
видя кровь, кипящую в огне?
Сеть убийцы ты благословил,
как и руку чёрную его.
Та рука меня лишила сна,
заслонила дня весёлый свет.

А теперь велением Творца
перед сводом грешных дел твоих
заповедь предстала
«Не убий!»

В ПЛЕНУ МОИХ МЫСЛЕЙ

Я в плену моих мыслей
в этой жизни-реке
ожидал с нетерпением
большого улова.

Только северный ветер
льдом течение сковал,
да и время удачу
подарить не готово.

Вся река омертвела,
беспощаден мороз.
Я лишь тени ловлю
на дороге ледовой.

А проснётся река
и пройдёт ледоход -
в тот же плен моих мыслей
закую себя снова.

ГОСТЬ МОЙ НЕЗВАННЫЙ

Ты явился в мой дом
и нашёл в нём приют.
Кто ты: друг или плут,
гость мой незванный?

На столе пустота:
ни еды, ни воды.
Ты - в тисках немоты,
гость мой незванный.

Я оглох в тишине,
ведь молчания крик -

знак страданий твоих
тяжелее вериг,
гость мой незваный.

Ты исчез без следа,
камнем канул в реку.
Я остался один
на пустом берегу,
гость мой незваный.

АВРОМ ШУЦКЕВЕР

ИЗ ПОТЕРЯННОЙ ПОЭМЫ

Мама, я болен!
На душе моей мрачно, тоскливо.
Нет, не то. Всё, мне кажется, хуже:
я лишился рассудка, я проказую болен,
и слова, что из уст твоих льются,
то бальзам, то священное зелье
для моей незалеченной раны.

Но я знаю, я всё-таки знаю,
что ты любишь меня, как и прежде,
я второй у тебя после Бога.
Мой приказ так похож на молитву:
- Удуши! Удуши меня теми руками,
что меня в колыбели качали.

Я тогда сомневаться не буду:
да, любовь твоя смерти сильнее.
Я тогда сомневаться не стану:
да, любовь от страданий спасает.
И вернусь в твоё лоно я снова,
будто был я на свете и не был,
как звезды отражение в воде.

АЛЕКО

Сегодня или завтра
придёт желанный мир
под звёздами, с вином
и танцами в трактирах.

Кто вспомнит там меня,
пленённого орла,
последнего цыгана
в этом мире?

Любимой нет в живых,
в плену мой верный конь,
и золотые вор украл подковы.

И ты, мой острый нож,
застрял в груди врага,
не проронив в последний миг ни слова.

ЭПИТАФИЯ

*Человека, который дрожащей рукой начертал
эти строки, зовут Ариэль Бланк, музыкант.*

«Тут закопана скрипка
в футляре -
волшебное звучание.
Моё дитя.
Люди!
Возьмите лопату,
копайте,
найдите и выньте её
осторожно.
Потом покажите
сокровище это

новому Паганини.
Пусть ему достанется
дитя моё - скрипка.
О, волшебная скрипка!

СКРИПАЧ ИЗ ГЕТТО

Теперь его песни уже не звучат -
те песни, что душу его согревали.
Немало познал он тяжёлых утрат,
но скрипки ему всё равно не хватало.

Со звуками скрипки душевный огонь
терял свою силу, совсем угасал он.
Не явится чудо, не сбудется сон,
но скрипки ему всё равно не хватало.

У самых ворот, как бутылку вина,
её закопал он, угрюм и печален,
чтоб в руки врагов не попала она,
чтоб с ним его скрипку они не забрали.

Но кто он, однако, без скрипки своей?
Охалка костей без души и без страсти...
А время чредою катящихся дней
приходит - уходит, течёт безучастно.

Здесь слёзы - всего только капли воды,
а слово, как пыль, уносимая ветром.
А над головой свет вечерней звезды
бледнеет пред тем, как исчезнуть из гетто.

Здесь люди, как тени. Унынья печать
стоит неизменно, как смерть в изголовье.
А кровь на камнях и на кирпичах
не знает того, что зовут её кровью.

Он вечером поздним лопату берёт
и тихо крадётся туда, где он прежде
её закопал у закрытых ворот -
к ней вновь прикоснуться жива в нём надежда.

Она для него и надежда и свет,
источник живительный неисчерпаем.
Он, кажется, видит её силуэт
и, силы собрав, он усердно копает.

Он скрипку из ямы дрожа достаёт -
теперь в его чутких руках она снова.
Потом мимо стен торопясь проскользнёт
в свой город еврейский, в тень гетто ночного.

А там, среди серых домов и камней,
на ней заиграл он в душевном порыве
Он с нею - одно. И в ночной тишине
господствует песня её горделиво.

И рады, как дети, той песни слова,
и дети становятся музыкой сами.
Здесь смерть не дождётся уже торжества -
молчашие встанут сражаться с врагами.

Все вместе выходят они из могил.
Их серые лица росой покрыты.
Он видит того, кого верно любил:
жену и сыночков, невинно убитых.

Здесь каждый, кого за собой он позвал,
исполнился силы, душой возродился
И слёзы - не слёзы... Никто не видал,
как в каждой слезе целый мир отразился.

Собрались они, молчаливо глядят,
не слышно ни жалоб, ни жалких рыданий.

Их песнь оживила, построила в ряд
для радостей новых и новых страданий.

И кровь на камнях их на штурм поведёт.
А слово - как флаг среди рядов поределых.
Подвалы встанут, предъявляя свой счёт.
Тут каждый стал тем, кем он есть в самом деле.

ОГЛАВЛЕНИЕ

**СТИХИ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ,
УЗНИКОВ КОНЦЛАГЕРЕЙ И ГЕТТО**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Плач о погибших и завещание живым	3
СЛЕПАЯ СТЕНА	
<i>Переводы Л.Бердичевского</i>	
ДОВИД КЕНИГСБЕРГ	
Два сонета	7
МИРИАМ УЛИНОВЕР	
Колечко	9
За ночь	
Песня трубочиста	10
Встреча	11
Письмо	12
ЯКОВ ЗОНШАЙН	
Небеса милосердные	14
Красный цветок	14
Цвет твоих волос	15
Когда?	16
Сквозь жизнь	16
Возвращение	17
ЛЕЙБ НАЙДУС	
Берёзовые аллеи	18
Сонет	19
ИОСИФ РУБИНШТЕЙН	
Знает слепая стена	20
Камин	20
Окно	21
ШМУЭЛЬ ЯКОБ ИМБЕР	
Приходит солнце	22
Вы заблудились вдалеке	22
ХАИМ СЕМАТИЦКИЙ	
В кронах деревьев	23
РЕЙЗЛ ЦИХЛИНСКИ	
Я люблю горы	24

Тут жили немцы	25
Таня	26
Мои еврейские глаза	27
И Бог отвернул лицо	28
МОШЕ ЛЕЙБОВИЧ	
В гетто	29
ПЕВА ГЛАС-РОЗЕНБЛЮМ	
Я не виновен в траурных мотивах	30
ИОСИФ БАУ	
Голод	31
ХИНДЕ НЕЙМАН	
Крыша	33
В пути	34
Из моего детства	34
ФИОЛЕТОВЫЙ ИЮЛЬ	
<i>Переводы Д.Яновского</i>	
МОРДЕХАЙ ГЕБИРТИГ	
В гетто	37
Наше местечко горит	38
ИЕШИЯХУ ШПИГЕЛЬ	
Моей маме	40
Фиолетовый июль 1942	
ЛАЗАРЬ ВОЛЬФ	
Я - дерево	43
Как вечером звуки скрипки	
Молитва	45
ХЕНРИКЪЕ ЛАЗОВЕРТ	
Я никогда не вернусь	46
БЕНИШ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН	
Багрово-красное солнце	47
Тьма	47
ИОСИФ КИРМАН	
Голод	50

СИМХА ШАЕВИЧ	
Весна 1942	54
ИЦИК МАНГЕР	
Баллада о войне	60
Песня моей ненависти	61
ВОЛЧЬИ ПЕСНИ	
<i>Переводы Г.Ляховицкой</i>	
КАДЬЯ МОЛОДОВСКИ	
При солнечном затмении	64
Старая песня	65
И всё же	65
Когда никто не зовёт меня	66
Возьми это с собой, моё сердце	67
МОЙШЕ КУЛЬБАК	
Лето	68
Песня бедняка	68
Перевоплощение	69
На фабрике	69
Волчьи песни	70
ВСЁ БЫЛО	
<i>Переводы Л.Каца</i>	
МЕИР ГАЛЬПЕРИН	
Как знать	73
Всё было	74
Неслышной поступью	74
МОШЕ ШКЛЯР	
Этот ад	76
Кому молиться	77
Я - ЭТО КАЖДЫЙ	
<i>Переводы М.Шейнбаума</i>	
ЗЮСМАН СЕГАЛОВИЧ	
Огненное кольцо	79
Гореть мы будем	79
Тайна иероглифов	80

ИСРОЭЛЬ ЭМИОТ Старый Люблин	81
КАЛМАН ЛИС Ручонки	82
МИША ТРОЯНОВ Актуалия	83
Голубое небо	83
ЯНИНА ХЕШЕЛЕС Белжец	85
ДОВИД СФАРД Слово	86
РОМАН БРАНДШТТЕТЕР Иосиф Раковер ищет...	87
ЭРНА РОЗЕНШТЕЙН Я - это каждый	89
ЕСЛИ Я ЗЕМЛЮ ОСТАВЛЮ <i>Переводы А. Ходорковского</i>	
РАХЕЛЬ КОРН Какое слово	91
У ворот газовой камеры	91
Моё тело	92
БЕР ГОРОВИЦ В саду Соломона	94
Сегодня ночью	94
Как больная птица	95
ДОВИД СФАРД Если я землю оставлю	96
Слово	96
ПЕСАХ БИНЕЦКИ Возможно	98
АВРОМ ЗАК Теперь я это знаю	99

ЯКОВ ЗОНШАЙН	
Когда	100
Милосердное небо	100
МОШЕ ШКЛЯР	
Еврейские слова	102
Моё слово	102
Кому молиться	103
Каждый камень	103
ЭЛИАХУ РАЙЗМАН	
Мир	105
В плену моих мыслей	106
Гость мой незваный	106
АВРОМ ШУЦКЕВЕР	
Из потерянной поэмы	108
Алеко	109
Эпитафия	109
Скрипач из гетто	110

ЯКОВ ЗОНШАЙН	
Когда	100
Милосердное небо	100
МОШЕ ШКЛЯР	
Еврейские слова	102
Моё слово	102
Кому молиться	103
Каждый камень	103
ЭЛИАХУ РАЙЗМАН	
Мир	105
В плену моих мыслей	106
Гость мой незванный	106
АВРОМ ШУЦКЕВЕР	
Из потерянной поэмы	108
Алеко	109
Эпитафия	109
Скрипач из гетто	110

